

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ*

Н.П. Козаченко

Если бы мы могли провести желаемый анализ понятия референции или свести это понятие к чему-либо, то я предполагаю, что все «пошло бы как по маслу».

Д. Дэвидсон
«Реальность без референции»

Проблемное поле теории референции

Несмотря на достаточное разнообразие представлений о соотношении языка и мира, кажется закономерным, что наши слова каким-то образом соотносятся с реальностью. Но как устанавливается это соотношение? Как нам удается говорить об окружающем мире осмысленные и порой даже истинные высказывания? Какой механизм отвечает за формирование адекватных высказываний о мире? Как устанавливается привязка слов к объектам действительности? Грубо говоря, о чем и что мы говорим, когда говорим (пишем, думаем — в процессе любой речевой деятельности)? Эти и множество подобных вопросов обобщаются и рассматриваются в теориях референции.

* Стимулом к написанию данной статьи послужила постановка вопроса о соотношении теорий референции и денотации в рукописи Я.А. Кохана «Миф о референции».

Теория референции во многом стала общим местом для логики и лингвистики. Само же понятие референции при этом остается проблемным, многозначным и принадлежит множеству сфер употребления. Проблема референции затрагивает важнейшую проблему логики, языкознания и философии — соотнесенность языка с реальностью и группу не менее важных проблем относительно механизма референции.

Основные вопросы, которые затрагиваются в теориях референции тесно взаимосвязаны между собой. К ним примерно можно отнести следующие:

- установление механизма связи языка и мира (способа референции), критериев и факторов референции, установление существования объекта, обозначаемого словом или другим языковым выражением, установление истинности высказываний и условий их истинности;
- установление роли смысла языковых выражений в установлении их соответствия внеязыковым объектам, установление роли речевого и неречевого контекстов в механизме референции;
- прояснение ситуации неоднозначной референции (когда один и тот же лингвистический объект может называть несколько внеязыковых объектов и наоборот), идентификация объектов говорения, установление тождества между объектами.
- установление типов языковых объектов, способных к референции, проблема адекватного перевода и понимания.

Определение референции

Существует некоторое расхождение в понимании референции, происходящее от того, что сам термин «референция» подразумевает несколько аспектов.

Наиболее распространенным определением референции оказывается лингвистическое определение, данное Н.Д. Арутюновой в Лингвистическом энциклопедическом словаре.

Референция — отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам) [2, с. 411-412].

Чаще всего референция рассматривается как ссылка языкового выражения на некоторый объект внеязыковой действительности, т. е. *референция* — это связь именуемого выражения и реальности, *референт* — объект реальности, на который указывает слово или выражение, *осуществлять референцию* — значит сослаться на некий внеязыковой объект.

Если нас интересует отношение между словом и объектом мира, тогда смысл референции состоит в отыскании референта — объекта, соответствующего слову (или наоборот, слова, соответствующего объекту). Также референция — это сам механизм установления такого соответствия, в этом смысле референция состоит в нахождении способа отсылки, «прилепливании ярлыков» к объектам мира.

Под референцией обычно понимают вид непосредственной связи языковых выражения с предметом в мире (в узком смысле эта связь может пониматься как характеризующая выражения таким образом, что они, будучи употреблены определенным образом (в определенном контексте), указывают на один единственный объект в мире и больше ни на какой) [13, с. 5].

Референция — это способ «зацепить» высказывание за мир [2, с. 18]. В различных подходах референция может рассматриваться как идентификация (П. Стросон, Дж. Серл, С. Крипке, Х. Патнем), целью которой есть отсылка к конкретному объекту или как выполнение условий истинности (А. Тарский, У. Куайн), где основным аппаратом референции считаются единичные термины, кванторы и тождественность.

Термин «референт» был введен в 1923 г. Ч. Огденом и А. Ричардсом в семиотическом треугольнике, для того, чтобы подчеркнуть опосредованный характер отношения обозначаемого к знаку. Денотат соответствует экстенсионалу понятия, и представляет собой множество всех предметов или явлений, которые могут быть названы термином, соответствующим данному понятию. Референт — то явление (предмет), к которому происходит отсылка непосредственно в момент говорения. Денотация — это отношение лексемы к ее экстенсионалу [12], который представляет собой множество объектов, с которыми может соотноситься имя. Фактически, денотация потенциально подразумевает референцию, которая, в свою очередь, актуализируется в высказывании и соотносится с соответствующим объектом или явлением. Актуализация языкового выражения в конкретном высказывании предполагает механизм соотнесения с конкретным объектом (референции), в отличие от потенциальной возможности обозначать (денотации).

По мнению Дэвидсона, «референция представляет собой отноше-

ние между именами собственными и тем, что они именуют, между составными единичными терминами и тем, что они обозначают, между предикатами и объектами, к которым они относятся [...] референции (указательных местоимений — *Н.К.*), конечно же, следовало бы соотносить с субъектом и с неким временем (хотя бы)» [7, с. 301].

Направления теории референции

В общем случае референция может осуществляться непосредственно или же косвенно. Непосредственное указание на вещи соответствует расселовской концепции логических имен собственных, но как только мы отдаляемся от референта в пространстве или времени, референция становится косвенной [13, с. 12].

Косвенная референция достигается одним из двух способов: установлением референции обычных имен собственных и терминов естественных видов с помощью определенных дескрипций, где референты соответствующих терминов — индивиды и виды, обозначенные (denoted) определенными дескрипциями, или же использовать именные группы языка, имеющие каузальное происхождение.

Таким образом, косвенная референция представлена в основном двумя группами направлений, которые условно могут быть обозначены как *дескриптивные* и *каузальные*.

В основании такого деления лежит способ получения ответа на вопрос об установлении референтов языковых объектов. В рамках дескриптивных теорий основанием для установления значения и, соответственно, референтом признается дескриптивное содержание имен. Идеи дескриптивизма берут свое начало от концепций Г. Фреге и Б. Рассела и затем находят свое развитие в работах Дж. Серла, Дж. Катца, П. Стросона. Каждое имя содержит набор определенных признаков и некоторые предметы могут быть обозначены этим именем, так как они обладают указанными признаками. С точки зрения дескриптивизма, мы знаем кто такой Вальтер Скотт, потому, что мы знаем некоторые его свойства — это автор «Веверлея» и «Айвенго» и т. п., поэтому мы точно знаем о ком идет речь, когда говорится о В. Скотте. По словам Стросона, «имя ничего не значит без поддержки дескрипций» (цит. по: [1]).

В рамках каузальных теорий основу референции составляет первоначальное знакомство или обусловленность употребления (такие теории называют каузально-историческими [29, с. 53]), при этом при-

знаки предмета не учитываются. Представим себе ситуацию, когда вдруг мы бы выяснили, что В. Скотт не писал указанные произведения, их авторство было по ошибке приписано ему из-за некоторого сходства стиля. Перестанем ли мы тогда называть Вальтера Скотта Вальтером Скоттом? Основная идея каузальной референции состоит в том, что мы определяем значения слов через тавтологию, в данном случае «Вальтер Скотт — это Вальтер Скотт». Но распространив подобное предположение на объект, обозначаемый общим именем, а не единичным, например «вода», мы получим не столь однозначную ситуацию. Каузальные (антидескриптивные) теории рассматриваются Крипке, Патнемом, Эвансом, Дрекке и др.

Не все типы языковых выражений способны к референции, а те, которые имеют такую способность, по-видимому делают это по-разному. Н.Д. Арутюнова дает классификацию семантических типов языковых выражений, участвующих в идентифицирующей референции [2, с. 18].

Конкретную или идентифицирующую референцию способны осуществлять такие разновидности слов:

1. Дейктические местоимения («он», «этот», «здесь», «сейчас»), применение которых к конкретному предмету или явлению зависит непосредственно от речевой ситуации.
2. Имена собственные, которые обладают единичной референцией, независимой от условий коммуникации и состоят с объектами в отношении именования («Говерла», «Киев», «наименьшее натуральное число»).
3. Имена нарицательные, выполняющие денотативную функцию (функцию обозначения) и приложимые к предметам, которые входят в объем соответствующего понятия.

Референция нарицательных имен составляет наиболее проблемную область теорий референции, так как может осуществляться с помощью двух факторов: семантического и формального.

Семантическая референция нарицательных имен осуществляется за счет их описательного содержания — свойств предметов, которые они описывают. Такие имена принято, вслед за Расселом, называть дескрипциями.

Формальная референция реализуется с помощью некоторых лингвистических актуализаторов, которые помогают сузить область референции с целого класса до конкретного объекта. В качестве таких

актуализаторов могут выступать различные как грамматические (местоимения, артикли), так и контекстуальные средства.

Расстановка приоритетов между способами референции нарицательных имен зависит от понимания сущности референции. Если семантический способ предполагает, что связь между языковым и внеязыковым объектом опосредована значением, то формальный предполагает прямое отношение между знаком и представляемым им предметом.

Исходя из рассмотренных типов языковых объектов, в основу теории идентифицирующей референции может быть положено одно из отношений: денотации, именования и указания. Теории, абсолютизирующие роль этих отношений в референции, Арутюнова называет унитарными и выделяет три их разновидности [2].

Семантические теории исходят из опосредованности референции значением (Фреге, Серл) и используют отношение денотации, в ряде случаев рассматривая имена собственные как скрытые дескрипции. Такие теории абсолютизируют дескриптивные свойства языка и в основном анализируют лингвистические ситуации, когда речь идет об объектах действительности, незнакомых собеседнику. Именно здесь происходит отождествление референта и денотата.

Номинативные теории исходят из использования в референции отношения именования и распространяют этот подход на определенные дескрипции, которые в ряде случаев приравняются к именам собственным. Применение номинативного подхода ориентировано на анализ коммуникативной ситуации, участникам которой известны обсуждаемые предметы. Примером может служить разработанная Крипке теория жестких десигнаторов.

Дейктические теории основную роль в определении референции отдают указательным местоимениям и исходят из того, что сущность референции состоит в указании на предмет, к чему могут быть сведены все другие способы соотнесения языковых и внеязыковых объектов (например, концепция Д. Каплана).

Согласно интенциональному направлению в идентифицирующей референции, предмет речи фиксируется говорящим и зависит от его намерений. Таким образом, перед говорящим стоит задача не столько соблюдения правил идентификации, сколько задача соблюдения правил кореференции, т. е. он должен позаботиться о том, чтобы слушатель смог «пронести» тождество предмета сквозь текст [2, с. 26]. Референция говорящего достигается выделением объекта по некоторым отличительным признакам. Если именное выражение не раскрывает

этих признаков, значит оно употреблено в непрозрачном контексте.

Не так давно появилось еще одно примечательное направление в теории референции, получившее название *дефляционная теория референции*, также известная под названием минимализма или теории раскавычивания (П. Хорвич, Х. Филд, частично Б. Лоар). Согласно дефляционной теории референции

Указание x на y является, грубо говоря, причиной того, что x является словом « N » (в кавычках), а y является вещью N (без кавычек) [26, с. 98].

Сущность референции мыслится дефляционистами как подстановочность, — понимание некоторого концепта состоит в принятии определенных подстановок в данную схему. Такое понимание референции подразумевает ее независимый характер, т. е. референция является самостоятельным отношением, которое не опосредовано значением, дескрипцией или каузальными связями. Понятие раскавычивающей референции позволяет осуществлять обобщения, недоступные при помощи обычных квантификационных средств, поэтому факты, связанные с референцией не могут быть выведены из обычных несемантических обобщений и, соответственно, не могут быть объяснены с их помощью.

Развитие теории референции

Идея референции появляется как идея соотнесенности слов и соответствующих объектов действительности. «Имена нарицательные наделены определенным понятийным содержанием (концептом, коннотацией, сигнификатом) и в то же время способны к денотации (обозначению) предметов действительности» [2, с. 7]. Таким образом, имена одновременно указывают на предмет и сообщают о нем некоторую информацию. Чаще всего основные направления исследований по теории референции ссылаются на работы Рассела, Витгенштейна и Фреге. Но основой для современных теорий референции стали наблюдения над значением и употреблением нарицательных имен [2, с. 7], осуществлявшиеся значительно раньше.

Длительное время существовало мнение, что слова повседневного языка выражают результат мыслительных действий человека, его психологические переживания и предпочтения, представления о предметах. Дж. Локк в «Опытах о человеческом разумении» четко формулирует позицию, что источником слова есть идея и все слова, обозначающие вещи, имеют своим основанием чувственную идею; также сходные

идеи встречаются и у Декарта. Язык воспринимался как своеобразный код для шифрования и передачи понятий через слова, мыслей через предложения. Казалось, что язык нужен человеку только лишь потому, что тот не имеет телепатических способностей и лишен возможности транслировать свои мысли напрямую. Такое понимание допускает возможность проникновения в самую суть мысли, лишенную лингвистической оболочки [14, с. 8]. Но Даммит указывает на то, что попытки освободить мысль от ее лингвистической составляющей приводят лишь к смешению мысли с внутренними переживаниями, образами, чувствами. Таким образом, мысль неразрывно связана с языком и не может быть сформулирована, выражена и передана вне лингвистической среды. Мышление неразрывно связано с языком, ним определяется и структурируется.

Идею о том, что лингвистические объекты соотносятся не только с нашими представлениями о предметах и явлениях внешнего мира, а и с самой действительностью в свое время высказывал Т. Гоббс. Он отделяет имена собственные, относящиеся только к одному существу или предмету («Петр», «это дерево»), и общие, которые относятся ко многим вещам («лошадь», «дерево»). Там же Гоббс рассматривает соотношение речи и истины, утверждая, что истина и ложь — свойства не вещей, но предложений, и соответственно делает вывод, что истина состоит в правильной расстановке имен в утверждениях. Таким образом, он формулирует правило для высказывания истинных утверждений: нужно точно знать значение каждого имени и соответственно этому устанавливать его роль в предложении. Кроме того, Т. Гоббс достаточно четко определяет, чему именно можно давать имена: материи, свойству и представлению. С помощью свойств одно проявление материи отличается от другого, такого рода имена могут рассматриваться отдельно от рассмотрения материи, но не от самой материи, имена свойств — это абстрактные имена [4].

Гоббс детально рассматривает употребление имен и условия понимания. Понимание специфически присуще человеку и может быть достигнуто лишь в том случае, когда человек точно знает значения слов и получает те мысли, для обозначения которых предназначены именно эти слова. При этом Гоббс указывает на необходимость некоторой осторожности, так как слова имеют свойство коррелировать не только с вещами, ними обозначаемыми, но и с внутренними предпочтениями говорящего и, следовательно, могут менять свои значения.

Дж.С. Милль развивает идеи Гоббса и рассматривает имена соозначающие и имена несоозначающие. Соозначающие имена (коннота-

тивные) называют предмет и предполагают свойство предмета, например «человек». Такие имена даются членам классов в силу наличия у последних некоторых общих свойств. Несоозначающие имена (денотативные) могут называть только предмет («Лондон», «Петр») или только свойства («белизна», «согласованность»). Таким образом, Милль утверждает, что имена имеют значение только в том, что они соозначают, а у имен, лишенных коннотации, значение отсутствует, при этом человеческие переживание и внутренние состояния не играют роли в определении значения [16]. В некотором смысле такое различение коннотации и денотации стало предпосылкой для последующего различения смысла и значения в работах Фреге. Но вскоре Милль пришел к заключению, что коннотация сама по себе не определяет денотацию имен, так как имена с разным содержанием могут обозначать один и тот же объект. В такой ассиметрии стали усматривать причину возникновения некоторых логических парадоксов. Подход Милля получил дальнейшее развитие в последующих исследованиях, получивших название прямой референции (*direct reference*), и отображенном в работах Б. Маркус, частично С. Крипке и др. [29, с. 50].

Отчасти, чтобы преодолеть проблемы, связанные с употреблением естественного языка, в конце XIX века Г. Фреге разработал концепцию формального языка. При этом непосредственно проблему референции как проблему соотношения языка и мира Фреге практически не рассматривает, в его концепции множество слов непосредственно отображается на множество внеязыковых объектов с помощью отношения именования. Такое отношение у Фреге не опосредовано говорящим, а заранее конвенционально определено таким образом, что вступая в лингвистическую ситуацию, человек попадает в уже установленную систему «язык-мир», где его основная задача состоит в том, чтобы правильно и ясно использовать эту систему. «Фреге, вслед за Дж.С. Миллем, устранил „ментального посредника“ в отношении между словом и объектом, создав „референциальную“ [...] семантику» [14, с. 8].

В семантическом анализе Г. Фреге искал путь к преодолению проблем тождества. Согласно Лейбницу, тождественными считаются выражения, взаимозаменяемые в высказывании без изменения его истинности. Фреге сравнивает два выражения « $a = a$ » и « $a = b$ »: очевидно, что первое лишено познавательного содержания, в то время как второе несет информацию и приходит к выводу, что подобная тождественность выражает не отношение между объектами действительности, а отношение между именами.

Языковые выражения, обозначающие объекты мира, Фреге определяет как имена собственные («Париж», «Де Голль»), отнеся к ним и выражения, которые впоследствии получили названия «определенных дескрипций» (например, «нынешний король Франции»). Каждое имя имеет смысл и значение, выражает свой смысл и обозначает свое значение. Имена вступают с называемыми ими предметами (конкретными или абстрактными) в отношение именования. В силу своего смысла имя указывает на определенный предмет (позже это указание получит название референции). Далее Фреге развивает свою мысль и приходит к выводу, что говорить о значении предложения можно лишь зная значения, входящих в него имен и тогда значением предложения будет истинностное значение («истина» или «ложь», другие Фреге не рассматривает). Таким образом, суждение становится переходом от мысли к ее истинностному значению [25]. Такой подход был назван экстенциональным и ознаменовал собой начало применения формально-логических методов к анализу естественного языка.

Примечательно, что в самой работе Г. Фреге «Смысл и значение» нет ни слова о референции и, как было отмечено выше, сама проблема соотношения мира и языка не рассматривалась, тем не менее, в английском языке существует традиция переводить название указанной работы как «Смысл и референция», на что имеется как минимум две причины. Первая, формальная, состоит в неоднозначности английских терминов «sense» и «meaning», поэтому был терминологизирован более однозначный в этом смысле глагол «to refer». Вторая причина связана с усмотрением в идеях Фреге истоков теории референции как таковой. Подобная референция позже получила название классической или «референции соответствия».

Разделение смысла и значения, осуществленное Фреге, послужило поводом для оживленных дискуссий, в том числе и в теории референции. Образовалось направление исследований, в которых референт приравнивается к значению языкового выражения и, соответственно, определяется его смыслом. Рассматривая различие между смыслом и значением в работах Фреге, Дж. Серл говорит о различии между смыслом и референтом и отождествляет значение (денотат) и референт [23]. Исходя из такого понимания референции, смысл имени — его дескриптивное содержание, определяет, каким именно образом понятие соотносится со своим референтом. «Референтное выражение обозначает некоторый объект, — т. е. обладает референцией к данному объекту, — только потому, что сообщает о нем некоторую истинную информацию» [23, с. 9].

У.В.О. Куайн резко противопоставляет значение и референцию:

Правильное понимание различий между значением и референцией требует, чтобы проблемы, относящиеся к тому, что нестрого называется семантикой, были распределены между двумя областями [...] фундаментально различающимися между собой [...] Основные понятия теории значения, — это: синонимия (или тождество значения), значимость (или наличие значения) и аналитичность (или истинность в силу значения) [...] основные понятия теории референции — это: именование, истинность, денотация (или истинность-о-предмете) и экстенционал (цит. по [2]).

Такое разделение не прижилось в современных теориях референции, но однозначно характеризует позицию Куайна в вопросах референции.

В контексте возможности адекватного перевода Куайн подробно рассматривает проблему внутреннего контекста высказывания и так называемое «непрозрачное» употребление именующих выражений — имен собственных и дескрипций. При непрозрачном употреблении невозможна постановка однореферентных выражений с сохранением истинности. Куайн рассматривает три типа непрозрачности:

- автореферентное (автонимное) употребление имени, когда имя указывает не на объект действительности, а на само себя;
- употребление имени в косвенных или интенциональных контекстах;
- употребление имени в модальных контекстах [12, с. 109-115].

Таким образом, Куайн ограничивает применимость тождественности только экстенциональными контекстами, в которых имена собственные и дескрипции употребляются прозрачно и которые могут быть проверены эмпирически. Куайн не отрицает связь между языком и реальностью, но указывает на то, что способов установления такой связи может быть бесконечно много, тем самым «релятивизируя» референцию. Также различение значения и референции подробно рассматривает Дэвидсон.

Вопросы референции определяются экстралингвистическими факторами, тогда как вопросы семантики — лингвистическими, в связи с чем экстралингвистические факторы позволяют отождествить референты выражений, которые не являются синонимичными [7, с. 47].

По Дэвидсону, «если значение предложения — это его референт, то все предложения с одинаковым истинностным значением должны оказаться синонимичными — недопустимый результат!» [7, с. 47], но в то же

время он допускает отождествление значения и референции в концепциях, подобных фрегевской. Размышляя в таком ключе, Дэвидсон приходит к выводу, что все части предложения онтологически нейтральны и, если слово имеет значение только в контексте предложения, то предложение имеет значение только в контексте языка.

Дескриптивные теории референции берут свое начало от теории дескрипций Рассела, также скептически относившемуся к двухкомпонентному (смысл и значение) подходу Фреге. Рассел рассматривает проблему установления существования объектов действительности в контексте анализа языка и приходит к выводу, что мы допускаем несуществующее в единственно возможном смысле, — в качестве описаний предметов. Проблема состоит в том, что в повседневном употреблении языка мы приписываем значения тем лингвистическим конструкциям, которые его не имеют. Значения имеют только имена — простые символы, которые могут употребляться в качестве субъекта (как индивид, частный случай). Имя прямо обозначает индивидный объект, который и составляет значение имени, существующие само по себе и не зависящее от других слов. Назначение имени — указывать на предмет речи, оно просто элемент той системы символов, которую мы используем, чтобы выразить свою мысль. Дескрипция, в свою очередь, состоит из нескольких слов с фиксированными значениями и выполняет роль предиката. Дескрипции бывают двух видов: неопределенные дескрипции (*a so-and-so*), которые описывают некоторый объект, обладающими такими-то свойствами и определенные дескрипции, которые отличаются от неопределенных тем, что подразумевают единичность (*the so-and-so*) [19].

Рассел четко разделяет имена и дескрипции. В то время как имя представляет собой полный символ, имеющий значение, дескрипция является неполным символом и приобретает значение только в составе предложения. Значение дескрипции исчезает при переводе предложения в логически совершенный язык. Большинство собственных имен Рассел считает скрытыми дескрипциями, к таковым он вначале относил имена вымышленных персонажей («Пегас» — вымышленное существо, крылатый конь), а позднее отнес и другие («Вальтер Скотт» — писатель, автор «Айвенго» и др.). Подлинно собственные имена он возводит в ранг «логически собственных имен», т. е. таких, которые обозначают нечто существующее, существенно сокращая таким образом категорию собственных имен.

Критерием определения подлинности собственного имени может служить следующий: если в некотором предложении встречается

языковое выражение, которое может быть устранено путем переформулирования исходного выражения в логически эквивалентное, значит данное выражение не является собственным именем и не имеет значения. В дальнейших рассуждениях Рассела место подлинно собственных имен занимают указательные местоимения «тот», «этот» и подобные. Рассел считал, что построенная им теория дескрипций позволяет избегать ряда трудностей, связанных с отношением тождественности и проблемами существования.

Если Фреге утверждал, что именные группы указывают на предметы в силу своего смысла, Рассел считает бессмысленным сам вопрос о таком соотнесении, фактически утверждая, что определенные дескрипции и имена собственные не обладают самостоятельной референцией. Существенны только предикаты, логические константы и выражения типа *имеется, нечто, ничто, все, что угодно* и т. п., не относящиеся к какому-либо конкретному предмету.

На вопрос о соотнесении языка и мира Рассел отвечает однозначно: референцию имеют только логически собственные имена, которые просто замещают сущности. Более полно такой подход реализован в «Логико-философском трактате» Витгенштейна: «Имя означает объект. Объект есть значение имени» [3, 3. 203]. Элементарное предложение — простое нанизывание имен, которые и играют главную роль в соотнесении слов с объектами действительности.

Теория дескрипций Рассела в том или ином виде (либо дальнейшее ее развитие, либо попытки опровержения) послужила основой для формирования и дальнейшего развития теории референции в современном ее виде. Именно дальнейшее обсуждение теории дескрипций послужило основанием для прочного закрепления термина референция, как более широкого обозначения поля проблем, касающихся соотношения языка и мира и возможности идентификации обозначаемых словами объектов.

Таким образом, к современным теориям референции относят исследования, в которых затрагиваются многие вопросы семантики (смысла и значения, именования и денотации), но более всего получает развитие направление исследований, в которых на передний план выступает идентификация объекта, о котором говорится (идентифицирующая референция). При этом можно отметить некоторое «возвращение говорящего» в референциальный механизм и, соответственно, возрастание внимания к интенциональным формам референции.

К определяющим вехам в теории референции относят вызвавшую непрекращающиеся дискуссии работу С. Крипке «Тождество и необ-

ходимость», автор которой разработал концепцию жестких (rigid) десигнаторов с целью разрешить некоторые проблемы тождества и существования. Предложенный оригинальный способ прояснения механизма референции дал толчок для развития каузальных теорий референции.

Под именами собственным Крипке понимает не специальные объекты, как Рассел, а те, что и в повседневной речи можно назвать собственным именем: «Аристотель», «Моисей». Имена и дескрипции Крипке называет десигнаторами, но при этом понятие референции по-разному определяется для имен и дескрипций. Семантическим референтом имени является объект, называемый данным именем, референтом дескрипции — удовлетворяющий ей объект.

Крипке указывает на то, что чаще всего имена собственные употребляются для того, чтобы выделить определенный объект и только затем приписать ему определенное свойство, поэтому функция имен состоит только в том, чтобы просто осуществлять референцию к называемым объектам, а не описывать их свойства [10].

Крипке вводит понятия жесткого десигнатора, под которым понимает термин, обозначающий один и тот же объект во всех возможных мирах. При этом понятие жесткого десигнатора не предполагает необходимое существование обозначаемого ним объекта во всех возможных мирах. В случае, когда обозначаемый объект не существует в каком-то мире, можно указать, что у жесткого десигнатора отсутствует референт. К жестким десигнаторам относятся имена собственные, имена естественных классов (natural kind) и веществ [29, с. 47].

Соотнесение имени с конкретным объектом, по мнению С. Крипке, происходит в результате последовательного обозначения данным именем одного и того же объекта разными говорящими. Этот процесс установления имени Крипке называет каузальной цепью коммуникации (causal chain of communication). Началом этой цепи является момент первичного наименования объекта данным именем — «крещение» этого объекта. С этого момента успешность процесса референции должна обеспечиваться непрерывностью каузальной цепи коммуникации [10, с. 363].

К. Донеллан также отказывается от интерпретации собственных имен как скрытых дескрипций. В основе его понимания референции лежит убеждение в том, что правильная идентификация референта некоторого имени зависит от исторической связи между именем и предполагаемым референтом [27]. Такая каузальная связь может прерываться, если некоторый референт изъять из сферы опыта данного языко-

вого сообщества.

Таким образом, согласно Крипке, Донеллану и их последователям, референция имени обеспечивается либо каузальной цепочкой именованния, либо исторически обусловленным соотносением имени с конкретным референтом.

Продолжением каузального подхода к референции становится кластерная теория референции, также разрабатываемая С. Крипке и Х. Патнемом. Суть кластерного подхода состоит в том, что референт имени должен удовлетворять не одной дескрипции, а достаточному их количеству, объединенному в набор, или кластер. Таким образом можно избежать потери референта в случае разрыва каузальной связи. Соответственно, референция собственного имени определяется двояко: при условии данности референта в непосредственном опыте — каузальной цепью коммуникации, берущей свое начало от акта первичного именованния объекта посредством имени; при разрыве каузальной цепи — набором соответствующих дескрипций, по возможности адекватно идентифицирующих референт.

Как восходящую к первоначальному именованию или остенсивному указанию рассматривает проблему референции Х. Патнем, указывая при этом, что почти все слова нашего языка функционируют как индексалы (indexal words) [18]. Референция у Патнема рассматривается достаточно широко, он утверждает наличие у общих терминов индексального компонента, посредством которого осуществляется выбор референта. Таким образом, говорящий может иметь довольно пространные сведения о том, что такое тигр, но это не мешает ему назвать определенное животное тигром. Для того, чтобы определить экстенционал терминов естественных родов (natural kind), необходимо уточнить обстоятельства, в которых употребляются термины, т. е. поступить как в случае с индексалами. При этом нет необходимости указывать как можно больше свойств и характеристик желаемого референта, а достаточно сформулировать такие обстоятельства, в которых присутствует несомненная однозначная связь термина и объекта. Тогда компонентами значения термина естественного вида являются, например, правила употребления конкретных слов, с помощью которых мы распознаем стереотип вида, но не выделяем экстенционал и индексалы, точно определяющие экстенционал термина естественного вида [1]. В современных теориях референции «мейнстримом» считаются именно каузальные подходы и наблюдается возрастающая интегративность референциальных исследований.

Онтологическая адекватность референции

Переход от представления о языке, как способе кодирования психологических состояний человека, к усмотрению связи между языком и миром дал философии новый метод анализа действительности. Исходя из предпосылки связи языка и мира возможен анализ структур мира посредством исследования языковых структур. Наиболее полное развитие эта идея получила в аналитической философии, после так называемого «лингвистического поворота», но вместе с тем философия пришла к необходимости прояснения механизма связи языка и реальности.

Отправной точкой для теории референции служит тезис о том, что «языковые феномены явно следуют за неязыковыми» [7, с. 299], поэтому основные исследования в этой области сосредоточены на прояснении связывающего механизма, который обеспечивает возможность анализа действительности посредством анализа языка. Но такая предпосылка порождает ряд серьезных вопросов относительно правомерности и адекватности подобного метода. Можно ли, используя язык для анализа действительности, получить знания о самой действительности? Или же, идя таким путем, можно лишь прояснить свойства самого языка безотносительно к тому, какова реальность на самом деле.

Вопрос о том, является ли референция эксплицитно определяемой в терминах других семантических понятий, таких как выполнимость, — или рекурсивно характеризуемой, или же не является ни тем, ни другим — не самый существенный; существенный вопрос заключается в том, существует ли определенное место, или хотя бы какое-нибудь место, где наличествует непосредственный контакт между лингвистической теорией и событиями, действиями или объектами, описанными не в лингвистических терминах [7, с. 305].

Несмотря на существующую референциальную традицию, вопрос о том, каково соотношение языка и реальности, если оно действительно существует, не имеет однозначного ответа. Существует как минимум два подхода к решению онтологических проблем референции: первый состоит в том, чтобы искать факторы, обуславливающие референцию, в самом мире или в нас самих, но не в языке, второй заслуживает название аналитического и состоит в поисках факторов референции в самом языке [13]. Л.Б. Макеева выделяет несколько основных подходов к определению соотношения языка и реальности в аналитической философии [15].

1. Язык отображает структуру реальности

В рамках такого подхода рассматривается логическая и концептуальная структура языка, а также механизм соотнесения различных типов языковых выражений и проявлений реальности. Ярким представителем такого подхода в некоторые периоды своего творчества был Б. Рассел. Он указывал, что «при надлежащей осмотрительности свойства языка помогут нам понять структуру мира» [20]. При этом следует отметить, что Рассел неоднократно менял свои взгляды на этот вопрос.

2. Язык «являет», но не выражает структуру реальности

Язык и реальность имеют общую логическую форму, но действительная многообразная структура реальности невыразима в языке. Представителем такого подхода был Л. Витгенштейн периода «Логико-философского трактата». Согласно его подходу, о соотношении языка и реальности ничего не может быть сказано, а только показано и задача философии должна состоять в том, чтобы прояснить показываемую картину, путем устранения искажений, возникающих из-за неправильного употребления языковых выражений. В «Логико-философском трактате» Витгенштейн строит так называемую «изобразительную» концепцию языка, в которой связь с реальностью осуществляют имена, которые обозначают объекты. Порядок, способ соединения имен в предложении порождают логические образы описания дел, т. е. описывают порядок вещей в мире. В зависимости от того, соответствует ли указанный порядок действительному состоянию дел, высказывание принимает истинностное значение. Этот подход, со временем отвергнутый автором, тем не менее стал основанием для теорий логического атомизма и логического позитивизма, в которых язык представляется лишь способом описания мира, передачи фактической информации посредством констатации.

3. Язык нейтрален в отношении реальности

В наиболее законченном виде эта позиция сформулирована в теории «языковых каркасов» Р. Карнапа. Каждый язык связан с определенной онтологией, которая задается формальной семантикой языка безотносительно к реальности. В определенном смысле мы свободны при выборе того или иного языка, но используемые при этом критерии связаны скорее с внутренними характеристиками языка — его согласованностью, непротиворечивостью, чем обусловлены его корреляцией с внеязыковой реальностью. Идея существования в языковых каркасах

Карнапа производна от понятия истины. Карнап определяет существование как значение квантифицированной (связанной квантором общности или квантором существования) переменной. Соответственно, квантифицированные формулы могут быть либо эмпирически проверены, либо теоретически доказаны, либо и то и другое. Относительно языкового каркаса можно выделить внешние и внутренние вопросы существования (в терминах данного каркаса или вне его) [8].

4. Язык созидает реальность

Язык упорядочивает, структурирует реальность, выделяя ее компоненты. Языки, имеющие принципиально разную структуру, формируют разные миры. Реальность, созданная определенным языком — единственная, познаваемая с помощью этого языка. Реальности, создаваемые другими языками, непознаваемы в рамках конкретного выбранного языка и поэтому о них, видимо, нет смысла говорить. Эта точка зрения нашла отражение в гипотезе лингвистической относительности Сепира и Уорфа.

5. Язык погружен в практическое взаимодействие человека с реальностью

Эта идея восходит к «Философским исследованиям» Витгенштейна, где язык рассматривается как явление, сложно взаимодействующее с различными видами человеческой деятельности. В зависимости от человеческих практик, постоянно меняется концептуальная схема языка. Основой языка признаются некоторые языковые конвенции, определяющие, что считать реальностью в каждом конкретном контексте употребления языковых выражений.

Вопрос о предопределенности исследования мира структурой конкретного языка пока не имеет окончательного решения. Вполне вероятно, что независимо от того, каким образом организована реальность, исследователь не сможет выйти за рамки своих лингвистических установок и стереотипов. Показательными в этом смысле стали исследования Б.Л. Уорфа. Выяснить влияние языковых структур на восприятие действительности очень сложно в рамках самих языковых структур. Уорф говорит о возможности рассмотрения совершенно чуждого языка, который будет играть роль «зеркала» по отношению к привычному. Рассматривая структуру и компоненты языка индейских племен хопи, он пришел к выводу, что принятые в индоевропейских

языках деление на части речи и использование слов в предложениях относительны. Слова, которые в привычных нам языках играют роль существительных, в других языках могут трактоваться иначе, например как глаголы или особые временные наречия. Например, слово «молния» в языке хопи было бы глаголом, так как выражает некий процесс, имеющий длительность.

Одной из задач исследования Уорфа был ответ на вопрос: являются ли наши представления о времени, пространстве, материи одинаковыми для всех людей или же они некоторым образом обусловлены структурой конкретного языка. На примере языка племени хопи Б. Уорф говорит о том, что возможны способы структурирования реальности, отличные от принятых в индоевропейских и подобных им языках. Если последние стремятся рассматривать действительность через двучленную формулу, выражающую все сущее как соотношение формы и содержания (в этом смысле, например, уже показательна рассмотренная выше классификация имен у Гоббса, Милля и более поздних исследователей, а также попытки Куайна, Дэвидсона и других исследователей рассмотреть характеристики «измененной реальности»), то язык хопи представляет реальность как череду событий, которые отдельно рассматриваются субъективно и объективно. Такой язык представляет мир как нечто, находящееся в процессе. Каждое явление, мыслимое как единое целое, находит отражение в языке вместе со своим возникновением, стадиями развития и перспективой. В таком языке иную трактовку приобретают понятия необходимости, данности, существования и подобные. Возможно, имея наш язык другую структуру, представления о мире сформировались бы совсем по-иному.

Философские взгляды, наиболее традиционные и характерные для «западного мира», во многом основываются на двучленной формуле — форма + содержание. Сюда относится материализм, психофизический параллелизм, физика — по крайней мере в ее традиционной — ньютоновской — форме и дуалистические взгляды на вселенную в целом. По существу сюда относится почти все, что можно назвать «твердым, практическим, здравым смыслом». Монизм, холизм и релятивизм во взглядах на действительность близки философам и некоторым ученым, но они с трудом укладываются в рамки «здравого смысла» среднего западного человека не потому, что их опровергает сама природа (если бы это было так, философы бы открыли это), но потому, что для того, чтобы о них говорить, требуется какой-то новый язык [22].

В другом ключе высказал тезис о «непостижимости референции» У.В.О. Куайн — не существует способов определить, к чему относятся единичные термины языка или по отношению к чему будут истинны

его предикаты. Существует возможность построить альтернативные схемы референции, которые согласуются со всеми представленными к ним требованиями, поэтому следует признать, что отношение между объектами и словами соотносится с произвольным выбором схемы референции (или руководства по переводу). Таким образом, референция и онтология относительноны к двум вещам: во-первых, к выбору руководства по переводу, и во-вторых, к некоторой фоновой теории или фоновому языку [11].

Сказать именно теми словами. Эта сеть терминов и предикатов [...] представляет собой [...] систему отсчета, или координатную систему. Относительно нее мы можем осмысленно и отчетливо говорить и действительно говорим осмысленно и отчетливо о кроликах и их частях, номерах и формулах. Далее [...] мы обдумываем альтернативные денотации для знакомых нам терминов. И начинаем понимать, что искусная перестановка этих денотаций, сопровождающаяся компенсирующими допущениями в интерпретации вспомогательных частиц, может вместить все речевые диспозиции. Мы столкнулись с непрозрачностью референции, примененной к нашей собственной референции. Эта непрозрачность делает референцию бессмысленной. Это справедливо: референция бессмысленна до тех пор, пока она не соотнесена с некоторой координатной системой [11, с. 52].

Таким образом, мы говорим осмысленно только относительно нашего собственного языка [7, с. 321].

Дэвидсон указывает, что в процессе эмпирического анализа языка можно вполне обойтись без проблемного понятия референции, если построить достаточно адекватную теорию истины. Ведь в сущности, теория референции, как и теория истины в той или иной мере отвечают на вопрос — как возможна коммуникация посредством языка.

Ведь если существует один способ поставить выражения в соответствие с некими объектами (способ определения «выполнимости»), что дает приемлемые результаты касательно истинностных условий предложений, то будет и бесконечное количество других столь же приемлемых способов. Значит, нет оснований называть какое-либо из таких семантических отношений «референцией» или «выполнимостью» [7, с. 321].

Несмотря на разнообразие исследований, которые можно отнести к теории референции, проблема адекватности использования понятия референции в его современном смысле действительно существует и требует серьезного изучения, именно на это указывает Я.А. Кохан в своей работе «Миф о референции» [9]. Но, обходясь без референции,

мы никак не сможем обойтись без семантики и онтологии — утверждает Дэвидсон. В самом деле, даже признав неадекватность теории референции, не удастся элиминировать вопросы, рассматриваемые в ее рамках. Современное состояние теории референции охватывает огромное поле исследований, находящихся на стыке различных областей философского знания и других наук, более того, исследования в этой области кажутся довольно перспективными и активно развиваются.

Литература

- [1] *Аналитическая философия. Учебное пособие* / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев и др.; Под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2006.
- [2] *Арутюнова Н.Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.13. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. статья Н.Д. Арутюновой. — М.: Радуга, 1982. — С. 5-41.
- [3] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути; Общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. — М.: Наука, 1958.
- [4] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: В 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1991.
- [5] *Даммит М.* Что такое теория значения // Философия, логика, язык. — М.: Прогресс, 1987. — С. 127-212.
- [6] *Доннелан С.С.* Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.13. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. статья Н.Д. Арутюновой. — М.: Радуга, 1982. — С. 134-161.
- [7] *Дэвидсон Д.* Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А.А. Веретенникова, Т.А. Дмитриева, М.А. Дмитриховской и др. — М.: Праксис, 2003.
- [8] *Карнап Р.* Значение и необходимость. — М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

- [9] *Кохан Я.О.* Міф про референцію. — рукопис, 2011.
- [10] *Крипке С.* Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. статья Н.Д. Арутюновой. — М.: Радуга, 1982. — С. 340-377.
- [11] *Куайн У.В.О.* Онтологическая относительность / Сокр. пер. А.А. Печенкина // Современная философия науки. — М., 1996. — С. 40-61.
- [12] *Куайн У.В.О.* Слово и объект. / Пер. с англ. А.З. Черняк. — М.: Логос, Праксис, 2000.
- [13] *Лебедев М.В., Черняк А.З.* Онтологические проблемы референции. — М.: Праксис, 2001.
- [14] *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. — М.: НИУ ВШЭ, 2011
- [15] *Макеева Л.* Язык и реальность // Логос. — 2006. — № 6. — С. 3-20.
- [16] *Мишель Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. — М.: ЛЕНАНД, 2011.
- [17] *Пассмор Д.* Современные философы / Пер. с англ. Л.Б.Макеевой. — М.: Идея-Пресс, 2002.
- [18] *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. статья Н.Д. Арутюновой. — М.: Радуга, 1982. — С. 377-391.
- [19] *Рассел Б.* Логический атомизм / Пер. с англ. Г.И. Рузавина // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Общая редакция и составление А.Ф. Грязнова. — М., 1998.
- [20] *Рассел Б.* Язык и метафизика // Рассел Б. Исследование значения и истины. — М.: ДИК, 1999.
- [21] *Стросон П.Ф.* О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. статья Н.Д. Арутюновой. — М.: Радуга, 1982. — С. 109-134.

- [22] Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. — М.: АСТ, 2003. — С. 157-201.
- [23] *Философия языка* / Ред.-сост. Дж. Серл; Пер. с англ. Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2010.
- [24] Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова ; Под ред. З.А. Кузичевой — М.: Аспект Пресс, 2000.
- [25] Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.
- [26] Хорвич П. Раскавычивание и причина в теории референции // Аналитика. — № 4. — 2010. — С. 98-104.
- [27] Donnellan K.S. Proper names and identifying descriptions // Synthese. — Vol. 21. — 1970. — С. 335-358.
- [28] Dretske F.I. Causal Theories of Reference // The Journal of Philosophy. — Vol. 74. — No. 10. — 1977. — С. 621-625.
- [29] Lycan W.G. Philosophy of language. A Contemporary Introduction. — New York: Oxford University Press, 2008.

Надійшла до редакції 6 липня 2011 р.